

З а м е ч т о й

Паренек в защитной гимнастерке в нерешительности - больше часа стоял у входа в небольшое здание Свердловского театрального института. Там, он знал это, шел второй тур приемных экзаменов. Мимо пробегали девушки и парни. Одни грустные, другие до предела переполненные счастьем. А он все глядел на входную дверь. Открыть не хватало духу. Что за ней? Достанет ли у него умения и таланта выдержать экзамены? Может, его мечта всего лишь миф, которым он жил все годы войны.

В школе Валентин увлекался живописью, акварелью. Но то сокровенное, в чем он себе и то не всегда признавался, была мечта о театре.

Большинство артистов, тот, кто выступает уже на профессиональной сцене, и тот, кому еще суждено попасть на нее, чаще всего начинают со школьной самостоятельности. И Валентин в самодеятельности получил свой первый сценический опыт. А потом война, где он по-настоящему, сердцем понял, как нужно людям, усталым, огрубевшим от грохота взрывов и гула канонады, бою о бою прошагавшим тысячи километров по затоптанной фашистами русской земле, как необходимо этим людям искусство.

Комсорг полка В. Антонов работал в то время заведующим полковым клубом. Артисты армейской самодеятельности ездили по фронтовым дорогам, ставили пьесы, читали стихи, простуженными голосами под тихие переборы гитары пели песни, которые текли в самую душу солдата, истосковавшегося по дому, дорогим далеким образам любимых, близких.

Полк, в котором служил В. Антонов, шел уже по чужой земле, участвовал во встрече на Эльбе с американскими войсками. И вот, когда до победы осталось всего три дня, в одном из последних боев Валентина тяжело ранило. Потом госпиталь, демобилизация с инвалидной книжкой, раздумье о будущем, которое привело его к двери театрального института.

— Или, — подтолкнул его кто-то. — Чего трусишь, или ты не солдат?

Прошли трудные, интересные сту-

денческие годы. Учился он жадно, настойчиво, неустанно работал над собой. И вот результат: диплом по актерскому мастерству оценили на «отлично». Тогда он сыграл три небольшие, но разнохарактерные роли в пьесе Горького «Дачники» — писателя фата, отошедшего от земной жизни Шалимова, в инсценировке по роману Островского «Как закалялась сталь» — сугубо положительный образ председателя Долинника и матерого фашиста Шредера в пьесе Собко «Жизнь начинается снова».

Но первые роли на сцене не принесли ему желаемого удовлетворения. То, о чем ему неустанно твердили в институте, режиссер считал для себя неприемлемым. Не сумев отстоять свои взгляды, актер уехал из Иркутска.

Его приняли в труппу Чувашского республиканского драматического театра и вскоре поручили центральную и очень трудную роль Улдыса в пьесе латышского поэта Я. Райниса «Всй, ветерок». Молодой актер пытается разобраться в сложном и многогранном характере своего героя. Красивый, ловкий Улдыс, любитель веселой ухарской жизни, не видит никаких преград, все дается ему легко. Таков герой Антонова до тех пор, пока не вспыхивает в нем искренняя трогательная любовь к бедной девушке — батрачке, доходящая в пос-

леднем акте спектакля до трагического звучания. Не все здесь еще донесено с одинаковым звучанием. Одно было несомненно, что в театр пришел человек своеобразного творческого почерка.

Затем следует целая галерея образов, в которых актер ищет интересные решения, постоянно совершенствуется. Но, пожалуй, по-настоящему творческая работа актера началась только в Якутске, в Русском драматическом театре, куда В. Антонов приехал по приглашению режиссера. На первых порах актеры наряду с репетициями помогали достраивать свой театр, который по праву стал теперь им родным домом.

За годы работы в Якутске В. Антонов создал сорок запомнившихся зрителям образов. Это весельчак, балагур молодой пограничник Захаров в пьесе Бондаревой «Хрустальный ключ». Своего героя исполнитель подал так, что зритель видит за маской внешнего балагурства человека, преданного своему долгу и готового умереть, выполняя его без показного героизма.

А вот деревенский парень, выросший без отца, рано познавший трудовую жизнь Алексей в пьесе Розова «В добрый час». Актера подкупила его глубокая человечность, цельность натуры, прямолинейность в вопросах любви. Алексей, которого запомнил зритель, потребовал от исполнителя выявления внутренней силы этого характера и внешней сдержанности.

Совершенно иного плана роль Мамай, жулика и авантюриста с высшим образованием в пьесе Шаврина «Кто друг?». Это новый этап в творческой биографии актера. Мамай в исполнении Антонова — умно замаскированный враг. Он сдержан, вежлив

в обществе, пост даже на французском языке «Опавшие листья», одет по последней моде и не лишен обаяния. Он остроумен и находчив, умеет расположить к себе, недаром с ним дружат хорошие парни. Этим образом актер как бы говорит: смотрите, есть еще такие типы, они изворотливы, ловко приспособливаются, учитесь их разгадывать.

В пьесе молодого автора Мусиенко «Слушайте, товарищи потомки» В. Антонов исполнил небольшую эпизодическую роль. Но зритель запомнил героический образ истекающего кровью, беспредельно преданного Родине матроса Вакуленко.

В этом театральном сезоне зрители увидели В. Д. Антонова уже в нескольких спектаклях. Это прежде всего волевой образ советского разведчика, работающего в немецком тылу (В. Соловьев «Любовь, дважды уступившая долгу»), это немецкий гетто-фал, палач французского движения сопротивления («Побег из нечи» братьев Тур) и последняя работа актера — роль меньшевистствующего ич-женера Протасова в инсценировке по роману Шишкова «Угрюм-река».

Образы, созданные В. Антоновым, свидетельствуют о возросшем актерском мастерстве, о серьезной, вдумчивой творческой работе.

— Как и каждому артисту, — говорит В. Антонов, — мне хотелось бы сыграть несколько ролей из мировой классической драматургии. Я мечтаю, например, о роли Яго из трагедии Шекспира «Отелло». Но прежде всего мне хочется создать образ человека наших дней.

На снимке: В. Антонов в роли матроса Вакуленко в спектакле «Слушайте, товарищи потомки».

И. ГЛАДКОВА.